

ральных тем философской саморефлексии. Мы полагаем, что философия при этом выступает как компенсация человеческой конечности, антропологически и культурно обусловленных границ человеческого разума и понимания. Лишь подобное, пусть иногда и иллюзорное, преодоление человеческого невежества способно дать человеку Мир как предмет собственной мысли. Категориальным выражением «снятой» человеческой конечности выступает рассмотренное нами понятие «индивидуально-всеобщего». Единственным языком подобных категорий может быть идиолект, снимающий классические оппозиции языка и речи (текста), социального и индивидуального и др. Проблема философской интерсубъективности есть проблема преобразования идиолекта в социолект.

Т.Х.Керимов

ГЕТЕРОТЕТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В ФИЛОСОФИИ

Рассмотрение различных способов осмысления и различных определений того, что называется «гетеротетическим принципом», и составляет содержание данной статьи. Слово «принцип» нужно понимать в широком смысле. В этой статье он понимается не только в качестве принципа мышления, объективной мыслительной формы, но также процесса, регулирующего эмпирическую интерсубъективную жизнь человека. Разобщенность направлений и разнообразие терминологии заслонили от нас эвристичность одной из самых оригинальных традиций в философии XX века. Восстановление непрерывности этой традиции — основной лейтмотив данной статьи.

Философия XX века выделяет три главных момента в разработке «гетеротетического принципа». Все эти моменты так или иначе фундируют необходимость преодоления метафизики субъективности.

В основании современной метафизики как метафизики субъективности лежит отношение противоположности субъекта и объекта, принцип рефлексии и репрезентации. С начала метафизики рефлексия представляла собой одновременно средство, метод и основание, благодаря которым философия самообосновывается и оправдывает собственное существование. Структура рефлексивности необходимым образом дается вместе со всякой субъективностью. «Архимедову точку опоры, которая позволила бы перевернуть гегелевскую философию, никогда не удастся найти в рефлексии. Формальная особенность рефлексивной философии и состоит как раз в том, что не может быть никакой позиции, которая не была бы включена в рефлексивное движение самосознания, приходящего к себе самому. Возня с непосредственностью — будь то непосредственность телесной природы, или непосредственность другого «Ты» с его притязаниями или непроницаемой фактичности исторического случая, или, наконец, реальность производственных отношений — постоянно отвергает самое себя, поскольку она сама является не непосредственным отношением, но деянием рефлексии»⁶⁶. Рефлексия гарантирует философии однородную и внутреннюю, собственными средствами достигаемую сферу существования. Благодаря рефлексии философский дискурс достигает очевидности и самодостаточности собственных оснований и обособляется от любых других (вне-

⁶⁶ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. С. 406.

ших) предпосылок и допущений, таким образом обосновав притязания на «первую философию». Рефлексии удастся выполнение подобной задачи, поскольку, будучи единством, она складывается одновременно из рефлексии в другое и рефлексии в себя. Парадигма субъективности в дополнение к этим двум сторонам рефлексивного процесса требует третьей стороны, которая, по праву, первая, и как таковая заключается в том, что отражаемый субъектом объект является не просто другим, а симметрическим другим субъекта, иначе говоря, репрезентацией его отчужденной самости (воли, разума и т.д.). Только с точки зрения этой третьей стороны рефлексия в другое становится рефлексией в себя, осуществляется таким образом диалектическое единство субъекта и объекта, наиболее радикально мыслимое в философии Гегеля. Другой — всегда отражаемый субъектом объект. Отчуждение субъекта в свое другое и рефлексия в объект связываются в единое нередуцируемое целое, абсолютно синтетическую целостность. Последняя достигается ценой универсализации различия, но только как различия тождества. Различие понимается как противоречие и благодаря отрицательному объективированию другого позволяет рефлексии интегрировать диалектическую систему. Отрицательное является негативом положительного, и как отрицательное, так и положительное «снимаются» в процессе диалектического саморазрывания знания как Абсолютной Идеи. Отрицание связывает Я и другого, неизбежно противоречивая природа которого превосходит диалектическое «снятие» в третьем, синтетическом термине, благодаря которому учреждается гомогенное рефлексивное пространство.

С точки зрения парадигмы субъективности, любая философия, вопрошающая основания или условия возможности знания (по определению, гетерогенные относительно самого знания) является гетерологией. «Философия жизни» Ницше, Дильтея и Бергсона, «фундаментальная онтология» Хайдеггера, феноменология «жизненного мира» Гуссерля, психоанализ Фрейда или Лакана представляют тип философствования, гетерогенный относительно философии субъективности, ориентированный на поиск условий возможности познавательной деятельности. Понятия «жизни» у Ницше или Дильтея, *Dasein* у Хайдеггера, «жизненного мира» у Гуссерля, бессознательного у Фрейда обозначают такую действительность, в которой рефлексивные определения обнаруживают свои границы.

Как известно, Риккерт, в противоположность антитетическому принципу Гегеля, развивал гетеротетический принцип. Гегелевское противопоставление тезиса и антитезиса Риккерт заменяет на различие тезиса и гетеротезиса. Для Гегеля отрицание — движущая сила диалектики, и эта сила предположена логическому разворачиванию пустого и бессодержательного бытия. Тогда как Гегель, исходя из логики отрицания отрицания, противопоставляет антитезис тезису, Риккерт, исходя из гетеротетического принципа, считает, что утверждение одного предполагает утверждение другого. Отношение между одним и другим есть не отношение взаимоисключения, но отношение «дополняющей сопряженности в целом синтеза».

Согласно Риккерт, «одно» мы мыслим всегда как нечто, отличающееся от «другого» или «иного». Тождество требует, таким образом,

различия или инаковости (Andersheit). Поскольку чисто логический предмет мы всегда представляем как самотождественное «что», все приводящее к нему кажется в таком случае алогическим, прежде всего в том смысле, что оно лежит вне сферы чисто логического. Однако Риккерт считает, что в понятие чисто логического входит кроме «одного», тождественного, также и «другое», «иное». Иначе говоря, под минимумом чисто логической предметности следует понимать не «одно» само по себе, но «одно» и «другое». Таким образом, чисто логическое не есть абсолютно простое, мы сознаем необходимость в нем «многообразия». Отсюда вовсе не следует, что инаковость есть лишь отрицание тождества, простое не-тождество или упразднение тождества. Отрицание и инаковость следует самым тщательным образом отличать друг от друга. Инаковость логически предшествует отрицанию. Для того чтобы нечто отрицать, это нечто должно уже быть, следовательно, другое предшествует операции отрицания. «Ибо, хотя и несомненно, что одно не есть иное, а инаковость или различие не есть тождество, все же было бы ошибкой полагать, будто просто отрицание, голое нет в состоянии вызвать из одного другое. Отрицание превращает нечто в отсутствие нечто, в ничто, оно приводит к совершенному исчезновению предмета вообще. Из не-тождества поэтому никогда не может возникнуть инаковости, или различия. Это ясно хотя бы из того, что само отрицание, мыслимое как предмет, предполагает уже отличие свое от утверждения, т.е. подразумевает другое»⁶⁷.

Если мы будем мыслить другое одного как не одно и, тем не менее, как-то позитивно как некое другое, то мы будем постоянно добавлять к отрицанию, которое снимает одно, еще нечто, что происходит не из отрицания. Отрицание делает из нечто только не-нечто или ничто. Оно заставляет предмет вообще исчезнуть.

Поскольку отрицание не играет существенной роли, одно и другое не исключают, но позитивно дополняют друг друга. В объективной формулировке первое существует как единое только в отношении к второму или в связи с ним. То есть в объективной сфере чисто логического предмета мы должны отвлечься от понятия отрицания, поскольку посредством отрицания можно найти другое, но породить другое отрицанием нельзя. В субъективной формулировке вместе с единым всегда полагается и другое. Тезис порождает одно, тождественное, лишь при условии полагания другого. Последнее Риккерт называет не анти-тезисом, а гетеротезисом, а указанное свойство логического — гетеротетическим принципом мышления. Невозможно мыслить безотносительно. Даже чисто логический предмет можно постичь в его полноте лишь как «соотнесение соотнесенного, как одно и другое». Таким образом, «... «одно», взятое само по себе, не может начинать логики. Чисто логическое начало (Anfang) или «изначало» (Ursprung) должно уже быть одним и другим, ибо без одного и другого нет никакого предмета, и субъект может начать логически мыслить лишь тогда, когда он при первом же своем шаге «сразу» мыслит одно и другое... Не существует и логического «приоритета» одного перед другим. Оба они не только необходимо принадлежат друг другу, но также и логически вполне «эквивалентны»⁶⁸. Риккерт подчеркивает, что его гетерологию не сле-

⁶⁷ Риккерт Г. Одно, единство и единица // Логос, 1911-1912, книги 2 и 3. С. 152.

⁶⁸ Там же.

дует понимать в духе субъективного конструктивизма. Логически мы мыслим только тогда, когда обнаруживается нечто, независимое от нашего мышления. Постепенное развитие идеи предмета не означает развития предмета, но имеет только смысл постепенного уяснения в понятиях того предметного, что уже существовало до начала.

Однако этим не исчерпывается понятие чисто логического. Различие тезиса и гетеротезиса необходимо предполагает идею синтеза. Лишь через анализ первоначального синтеза мы получаем тезис и гетеротезис как абстрактно изолированные моменты логического. Однако здесь нет отношения логического следования. Гетеротетический принцип единства одного и другого уже не должен пониматься в рамках логики тождества. Имея одно и другое, мы вместе с тем имеем и единство (Einheit) одного и другого. Единство одного и другого Риккерт называет «единством многообразия». Последнее представляет собой всеобъемлющую связь одного и другого. Это единство принципиально отлично от единства тождественного. Как синтез одного и другого, «единство многообразия» не может означать единство в смысле отсутствия различия, оно требует различия или инаковости в противоположность единству тождества, которое исключает различие или инаковость. Гегель недостаточно мыслит единство как единство, подменяя единство одного и другого снятием единым другого как объективированного (в рефлексии) другого. Подлинный же синтез предполагает единство единого и другого. «Необходимо постоянно задаваться вопросом, что имеется в виду, когда говорят о единстве: тождественное «единство» как отсутствие различия или как синтетическое «единство» того, что отлично друг от друга и соотносится между собой»⁶⁹. Пока рефлексия обращена лишь на одно, еще далеко до мысли о том, что предмет есть синтез многообразного в единстве. Одно и другое составляют единство лишь как «единство многообразного».

В отличие от гегелевского антитетического «либо — либо» или диалектического «ни — ни», у Риккерта в его гетеротетическом принципе находит выражение «как — так и».

«Чистая гетерология» неокантианца Вернера Флаха представляет собой критику гегелевского понятия абсолютной рефлексии. Эта критика нацелена на структурные моменты абсолютного отношения как принципа мышления, как объективной мыслительной формы. Абсолютное отношение не может быть понято с помощью методической рефлексии, поскольку как принципиальное основание оно должно объяснить природу рефлексии и, следовательно, должно быть, по определению, гетерогенным относительно самой рефлексии. Флах отмечает, что вместо того, чтобы определить основание как радикально неоднородное с обосновываемым, гегелевское понятие рефлексии оказывается однородным в смысле однородном с обосновываемым. Согласно Флаху, основание как абсолютное основание должно быть гетерогенным относительно любого обосновываемого. Следовательно, различные формы рефлексии невозможно объяснить с помощью рефлексии рефлексии, их необходимо объяснить, обращаясь к чистой гетерогенности как структурной характеристике абсолютного отношения знания.

⁶⁹ Rickert H. Das Eine, die Einheit und Eins. Bemerkungen zur Rolle des Zahlbegriff. Tübingen: Mohr, 1934. S. 24.

Однако если гетерология призвана установить тождество абсолютного основания как чисто логического начала, она не может достичь подобной цели, определяя абсолютное основание в терминах отрицания, противоречия, или диалектики, поскольку они не позволяют адекватно описать структуры гетерогенности. Термины, призванные концептуализировать структуру мышления, должны быть отличными от терминов «отрицания» или «противоречия». Поскольку именно отрицание характеризует связь единого и другого, неизбежно противоречивая природа этой связи предвосхищает ее диалектическое снятие в третьем синтетическом термине, благодаря чему и учреждается гомогенная сфера рефлексии.

Абсолютный синтез, согласно Флаху, может достичь подобной цели и выступить основанием рефлексии и знания, если он разделен, различен до такой степени, что из области чистой логики исключается любая возможность опосредования и, соответственно, «снятия». В таком случае стороны, составляющие абсолютный синтез, находятся не в отношении противоречия и отрицания, а в отношении дизъюнкции, абсолютного, нередуцируемого разделения. Чисто логическое начало должно быть различено в самом себе, разделено таким образом, чтобы исключить любую возможность опосредования и последующего «снятия» в третьем синтетическом термине, знаменующем торжество Абсолютного единства. Стороны абсолютного отношения находятся в отношении взаимоисключения, где целое становится не через отрицание и противоречие, а через дополнительность одного и другого. Основание и обновляемое дополняют друг друга как абсолютно гетерогенные стороны познавательного процесса. Отношение Я и другого — это не отношение опосредования, а отношение чистого различия, изначального удвоения. Гетеротетический принцип утверждает, что абсолютное отношение складывается из отношения Я и другого, где другое суть не отрицание, а абсолютно другое в отношении к Я. Другое, инаковость логически предшествуют возможности отрицания. Последнее не было бы возможным без априорного полагания другого (Риккерт). Приоритет не отдается ни одной из сторон, следовательно, никакого отрицания, никакого противоречия. Отрицание и противоречие принадлежат к сфере рефлексии, познания, тогда как гетеротетический принцип инаковости суть функция чистого полагания. Как чистый, минимальный принцип, принцип инаковости принадлежит к гетерологическому пространству изначального отношения, которое, в отличие от познавательной сферы субъективности и рефлексии, суть пространство чистого полагающего мышления⁷⁰. Таким образом абсолютное единство знания может быть только гетерологическим. Как целостность, это единство неизбежно различено, и поскольку в одно целое связываются не противоположности, а стороны, взаимоисключающие и дополняющие друг друга, это единство исключает любую диалектику.

«Грамматология» Деррида также вопрошает гетерогенное основание познавательного отношения, исходя не из отрицания и противоречия, а из альтеральности. Следуя Хайдеггеру, Деррида исследует различие не как различие тождества, а как различие между тождеством и

⁷⁰ Flach W. Negation und Andersheit: Ein Beitrag zur Problematik der Letztimplikation. Wursburg, 1959. S. 67.

различием, различие как таковое, не-феноменологизируемое, лишенное собственности, свойственности, *différance*, не-редуцируемую множественность, каждый раз саморазличающуюся таким образом, что сформированная целостность всегда оказывается «неразрешимой», неполной. Гетерология, по Деррида, — это наука или учение о «неразрешимостях» как архи-синтетических предпосылках западной метафизики. И поскольку другой — не положительный другой, гетерология Деррида вписывает в философию возможность смещения ее собственных границ. Такая возможность обусловлена стремлением вписать внутрь мышления то, что представляет собой не другое мышления, а именно структурные границы самого мышления.

Если отношение к другому конституировало философию как философию и если в исторической ретроспективе другой всегда оказывался другим относительно самого себя, то гетерологическое обобщение этого отношения к другому (без конкретного другого) даст основание самой возможности субъективности (интерсубъективности) или рефлексии как однородного принципа, а также основания возможности другого как гетерогенного принципа.

Гетерология Деррида отличается также от имманентной закономерности рефлексивных определений. Другое, инаковость сопротивляются диалектизации негативностью, подрывая таким образом онтологические и онтотелеологические основания метафизики. Как замечает Деррида в «Письме и различии», «негативность есть запас. Назвав абстрактной «негативностью» невоздержанность абсолютной растраты, Гегель второпых закрыл глаза на то, что сам обнаружил в виде негативности»⁷¹. Другое, инаковость, даже не негативное, выставляет точку не-возвращения, инстанцию абсолютной растраты «потому, что нет больше в запасе изнанки, потому что это не дает обратить себя в позитивность, потому что оно не может более сотрудничать в развертывании смысла, концепции, времени и истинности в дискурсе, потому что буквально оно не может более трудиться и дать себя рассматривать как «работу негативного»⁷². Как пустая форма негативности, другое — это неразрешимый запас негативности. Следовательно, это — недостаток, отсутствие или пустота, и еще менее это — обратная сторона позитивности понятия или смысла. Это «радикально» другое обозначает пространство неразрешимостей» (архи-письмо, след, *différance*, дополненность и т.д.) на границе философии и любого другого дискурса, претендующего на целостность, полноту и непротиворечивость. Хотя «неразрешимости» и могут заменять друг друга, они не образуют целое принципа (как Одного, так и Другого), поскольку любая замена означает как трансформацию, смещение самих терминов, так и «системы», сформированной в результате этой трансформации. Следовательно, «неразрешимости» принадлежат не к порядку оснований или фундамента — они принадлежат к условиям возможности и невозможности. Поэтому Деррида считает, что гетерология невозможна как наука (присутствия). Это то, внутри чего метафизика производится.

Даже в этом кратком обзоре «гетеротетического принципа» становится очевидным, что если в классической философии вопрос о бытии

⁷¹ Деррида Ж. Невоздержанное гегельянство // Танатография Эроса. СПб., 1996. С. 123.

⁷² Там же.

неизбежно влечет его субъективацию, сведение к тождеству, и, соответственно, объективацию другого, то в неклассической философии тот же вопрос влечет инаковость бытия, сведение его к различию. В той мере, в какой проблема другого разрешается в его отношении к тождеству Я, так же, как проблема различия — в его отношении к тождеству, а проблема множественности — в ее отношении к единому, гетерология остается ограниченной рамками классической философии. Можно ли концептуализировать «синтезы» гетерогенности, не редуцируемые к отношению субъективности и интерсубъективности, Я и другого, тождества и различия, единого и множественного? Можно ли концептуализировать «синтезы» гетерогенности с учетом того, что классическая философия «культивирует» Я, самосознание, тождество, а неклассическая — другого, инаковость, различие?

Для рассмотрения другого, множественности прежде всего должен быть создан концептуальный «синтез», такой «синтез», который не был бы привязан к тождеству как таковому. На самом деле, такой синтез не может быть субъектным или субстанциональным, будь то в форме тождества (субъективности) или в форме различия (интерсубъективности). Такой «синтез» не имеет формы реальной или идеальной актуальности. Если воспользоваться кантовской терминологией, мы могли бы сказать о «синтезе» гетерогенности как об условии возможности, но условии, не предшествующем тому, что оно делает возможным, а о ничтожном условии возможности как условии «присвоения» различия, множественности, которое предохраняет разделение, которое одновременно разъединяет и собирает вместе, об условии возможности, которое обнаруживается в рекурсивных процессах синтеза. Именно синтез «события» гарантирует единство становления, различия, множественности. Гетеротетика события прилагается к самой логике развертывания проблемы Другого и, в частности, интерсубъективности. Если событие необходимо предполагает различение-повторение, то не я идентифицируется как «Я» или «Другой», а событие идентифицируется, открывая тем самым возможность становления другим. Аналогичным образом, не единство саморепрезентируется как «единство» или «множественность», а событие саморепрезентируется, открывая тем самым возможность бытия-множественностью. Таким образом, идентификация «Я» и «Другого», «единства» и «множественности» осуществляется не по типу «субъект», а по типу «событие».

С.А.Азаренко

СОЦИАЛЬНАЯ ТОПОЛОГИЯ МЕСТО-ИМЕНЕЙ

Иностранцу кажется непонятным, почему в русском способе говорения представляется обычным, когда молодой человек может незнакомого взрослого назвать «отцом» или «матерью», а взрослый человек незнакомого молодого может назвать «дочкой» или «сыном». Этим выражается доброжелательность и стремление приблизить «далекое», а также обнаруживается совместная расположенность в человеческом. Это черта русского характера — присутствуя при чем-то горе, выражать сожаление не только в адрес потерпевшего, но возможно прежде всего в отношении его братьев и сестер, родителей и жен. То есть делать

© С.А.Азаренко, 2001